

УДК 821.161.1.0

doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.223-235

**ОБ ИТОГЕ 20-ЛЕТНИХ ЭМИГРАНТОВЕДЧЕСКИХ УСИЛИЙ:
РЕЦЕНЗИЯ БЕЗ МАКИЯЖА**

[Рец. на кн.: *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. – М.: Водолей, 2018. – 444 с.]

Т.Н. Галчева

Независимый исследователь, г. София, 1504, Болгария

Аннотация

В статье дается анализ новейшего издания, в котором предпринята попытка подробного жизнеописания замечательного представителя русской академической эмиграции первой волны проф. П.М. Бицилли. Излагаются причины несогласия с подходом автора рецензируемой книги М.А. Бирмана к моделированию образа ученого, трансформирующим академическую биографию в беллетристическое сочинение. Приводятся примеры некритичного использования противоречивых свидетельств родственников и современников, обосновывается вывод о необходимости осторожной работы с «домашними источниками». Высказаны опасения, что выделение ключевых, судьбоносных периодов в деятельности П.М. Бицилли часто не мотивировано, умозрительно и не способствует, а скорее препятствует реконструкции жизни личности в биографическом исследовании. В конце настоящей рецензии приведены примеры некорректного использования уже опубликованных материалов других исследователей. Подчеркивается необходимость соблюдения систематичности и пунктуальности описания всех употребляемых документальных источников, в том числе иллюстративных ресурсов. Аргументируется необходимость выхода на новый уровень в изучении жизнедеятельности проф. П.М. Бицилли для освоения объемного, многообразного и разноязычного наследия историка.

Ключевые слова: русская эмиграция первой волны, новая и новейшая история, профессор П.М. Бицилли, М.А. Бирман, рецензия, биография, возражения

В начале 2018 г. вышла в свет давно ожидаемая монография М.А. Бирмана «П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество» [1]. Для искушенных исследователей истории русской эмиграции первой волны интерес вполне обоснован: автор книги известен знатокам как многолетний труженик на ниве исследования этой темы, более того – с его именем связано возникновение термина «бициллиеведение». Ожидания автора настоящей статьи были очень высокими: в 2006 г. проживающий ныне в Израиле историк опубликовал в России очерк «П.М. Бицилли (1879–1953). Штрихи к портрету ученого» [2], являющийся попыткой систематизировать архивные источники и опубликованные материалы в едином биографическом корпусе. С того момента прошло больше десятилетия,

появились новые работы, всплыли новые данные, и необходимость анализа и обобщения накопленных фактов становилась все более очевидной.

Даже настоящий знаток обозначенной темы при одной только попытке представить, какие качества необходимы автору подобного труда, мог бы заранее отказаться от такой задачи. Нужно обладать особым куражом, глубокой внутренней уверенностью в своей компетентности, чтобы предложить читателю «первый в формате самостоятельной книги опыт сводного обзора жизни и творчества замечательного ученого-гуманитария... Петра Михайловича Бицилли» [1, с. 7]. Напомним, что наследие этого выдающегося представителя первой волны русской эмиграции охватывает сферы истории, филологии, культурологии, философии, а работы его были напечатаны на русском, болгарском, сербском, немецком, французском, английском и даже испанском языке (и это неполный список). Добавим также, что до сих пор опубликована только опись архивных источников из фонда П.М. Бицилли (Ф.Б.), хранящегося в Пушкинском Доме (ИРЛИ РАН), и совсем небольшая часть материалов из этого фонда, что сильно препятствует составлению целостного представления о многих событиях прошлого.

Безусловно, следует признать, что М.А. Бирман не страдает отсутствием научной неустрашимости. Все достоинства его книги уже нашли своих ценителей (П.Г., К.Б.); мы уверены, что их число будет только возрастать; не испытываем никаких сомнений и по поводу огромного индекса цитирования названного труда в будущем. К сожалению, не видим особых оснований присоединиться к намечающейся группе почитателей. В процессе ознакомления с книгой и осмысления прочитанного у автора данной статьи возникли возражения, препятствующие появлению чувства восторга, и мы считаем своим долгом поделиться ими. Заранее оговоримся, что все сказанное ниже является нашей личной позицией; в некоторых местах требовалась консультация с другими специалистами по теме, и мы во избежание лишних упреков акцентируем этот факт.

Итак, наше удивление возникло с первых же страниц.

В качестве эпиграфа у М.А. Бирмана приведена цитата из работы П.М. Бицилли 1925 г. «Очерки теории исторической науки». Эту же цитату, также в качестве эпиграфа к третьей части своей книги, использовала и Т.Н. Попова. Коробит «микроскопия обработки» этой цитаты: у израильского исследователя она приводится точно в таком же сокращенном виде, как и у одесской его коллеги. Обратимся к источнику: «Историк культуры не может отделять сознательной сферы духа от бессознательной, “мировоззрения” от “мироощущения”; для него философ, естествоиспытатель, историк прежде всего – творчески в области своей науки раскрывающая себя личность, а не очередной исполнитель выдвигаемых “общим ходом научной мысли” заданий. Его научная деятельность является для историка культуры его биографией; то, что с этой точки зрения подлежит систематизированию и воспроизведению в разрезе, “статически”, это не его учение, а он сам» [3, с. 244]. У Поповой находим: «...Историк прежде всего – творчески в области своей науки раскрывающая себя личность... Его деятельность является... его биографией» [4, с. 337]; у Бирмана читаем: «...Философ, естествоиспытатель, историк прежде всего – творчески в области своей науки раскрывающая себя личность... Его научная деятельность является... его биографией...» [1, с. 3].

В структуре текста роль эпитафия особенно ответственна: он задает ожидания развертывания будущего изложения, и в этом плане с первого же взгляда на новейшее исследование о П.М. Бицилли возникла тревога: удастся ли нам уловить все слои интертекстуальности использованного материала?

Что задача наша усложняется, мы поняли, посмотрев на первую опубликованную фотографию. Автор нисколько не изменил себе, его «иллюстративный» рефлекс, продемонстрированный им уже в предыдущем издании, полностью сохранился. Он поспешил еще до вступления познакомить читателей с портретом П.М. Бицилли, выбрав один из недавно опубликованных иконографических источников. Но об этом чуть позже, дабы соблюсти логическую последовательность разбора.

Обзор жизни и творчества профессора всеобщей истории, преподававшего в Одессе, Скопье и Софии, начинается рассказом о том, через какие этапы прошло приближение самого автора к выбранному герою. Объяснение избранной стратегии вступления оговаривается так: «Я исхожу не из чувств чрезмерного эгоцентризма, а из желания ввести книгу в исторический (и историографический) контекст, из стремления объяснить читателю свой выбор направленности книги, ее особенностей» [1, с. 7]. Можно спорить о том, достигнута ли эта цель, насколько удачно выдвигание на первый план своего собственного опыта: без лишней скромности, например, М.А. Бирман провозглашает свою статью 1997 г. «едва ли не первым сводным исследованием о Бицилли» [1, с. 11]! Непонятна также связь между глубоко интимной исповедью автора (он не преминул сообщить о личных перипетиях: «После тяжелой операции; переезд (по семейным обстоятельствам)» [1, с. 7]) и обязательным с точки зрения жанровых требований анализом степени изученности темы. Здесь, однако, нельзя не заметить достигнутого эффекта: конструируется авторитетная, опытная, прошедшая через множество «многолетних эвристических мук и усилий» [1, с. 8] фигура рассказчика, которому читатель должен доверять. Путешествие с этим будущим повествователем через лабиринт эпох обещает быть увлекательным: оно, как следует ожидать, будет основано на авторской «большой (уникальной) коллекции источников о жизни и творческой деятельности Бицилли» [1, с. 10]. Более того: этот случай уникален, потому что «приходится, тем не менее, констатировать: при нынешнем состоянии бициллиеведческой научной литературы исключена возможность появления полномасштабного сводного труда о разностороннем наследии ПМБ» [1, с. 13].

Нет сомнений в том, что М.А. Бирман, будучи публикатором корреспонденции П.М. Бицилли с редакторами «Современных записок», хорошо помнит о предупреждении острого на язык ученого: «У гробкопателей одна общая специфическая черта, по которой их всегда легко узнать...: они непременно с кем-то “отождествляются”, с каким-нибудь великим покойником оказываются “на дружеской ноге”» [5, с. 563]. Однако есть опасения, что навязывающаяся фигура рассказчика не очень способствует упорядочению изложения, повествователь скорее беллетризирует, чем комментирует и истолковывает источники. Свобода у него – неограниченная; в его руках судьба его героя, за которой должны проглядывать контуры исторической личности; рассказчик может себе позволить квалифицировать речь героя так, словно сам присутствовал

во время диалога: «Много лет спустя Бицилли в письме по какой-то ассоциации *разоткровенничался...* (курсив наш. – Т.Г.)» [1, с. 21]. Собственное ощущение особой близости, чуть ли не принадлежности к самому узкому кругу родственников, основанное на многолетней корреспонденции, разрешает биографу судить о душевных переживаниях своего героя, уверенно реконструировать ход прошедших событий, воссоздавать твердым тоном обстоятельства, относящиеся даже к глубоко семейным вопросам.

Стремление «полнее реконструировать (поначалу – почти на пустом месте)»¹ [1, с. 8] – а на наш взгляд, скорее сконструировать жизненный и творческий путь П.М. Бицилли – организует повествование, определяет структуру книги, уплотняет ее любым свидетельством, которое было доступно М.А. Бирману. Одним из основных наших «несогласий» с выбранным подходом является именно стихийное, некритичное, безудержное использование личной корреспонденции автора с родственниками или людьми из близкого окружения профессора П.М. Бицилли; гипостазирование отдельных воспоминаний; доведение их до абсолюта установленных фактов. Более того – в отличие от очерка 2006 г., в некоторых местах рецензируемой книги автор разрешает себе особую вольность – соединить в одноглосье два совершенно разных по своей степени свидетельской компетентности источника: письма к нему дочери П.М. Бицилли – Марии Петровны Бицилли (их было 9, переписка длилась менее года и закончилась в 1996 г.) – и ее племянницы Елисаветы Петровны Ивановой-Аначковой (она была особенно востребованным собеседником после смерти ее тети в 1996 г.).

Хотелось бы проиллюстрировать эту мысль одним эпизодом, обладающим огромной экспрессивностью и широко цитируемым многими исследователями, пишущими о последних минутах пребывания семьи Бицилли в Одессе.

В очерке 2006 г. эти события воссозданы следующим образом: «*Неожиданно возникла возможность получить отдельную крохотную каюту на пароходе “Rio-Pardo”, направлявшемся в Салоники. Отправление состоялось 28 января 1920 г. Сборы были очень короткими. В спешке с собой взяли лишь то, что можно было унести и показалось крайне важным, – детские вещи для не достигшей еще трехлетнего возраста Маши да минимально необходимое для всех остальных. Отъезжающие лелеяли мечту, что уезжают ненадолго*»² [2, с. 662]. За словом «ненадолго» идет индекс «55», обозначающий ссылку на письма М.П. Бицилли к М.А. Бирману от 30.XI.1995 г. и 5.I.1966 г. В следующем абзаце вводится новый источник, обозначенный числом 56: «*Перед самым отъездом Петр Михайлович сел за рояль и сыграл любимую Лунную сонату Л. Бетховена, а затем вышел; но тотчас же вернувшись, воскликнул: “Ну вот и все. Мы уезжаем!”*»; в данном случае автор ссылается на письмо к нему Е.П. Ивановой-Аначковой от 29.VI.1996 г.

Именно этими словами заканчивается глава II «Становление ученого» в новой книге о П.М. Бицилли. Однако на этот раз в ссылке под номером 71

¹ Считаю уточнение о «пустом месте» искажающим исторнографическую картину: в 1988 г. была опубликована работа Б.С. Кагановича «П.М. Бицилли как литературовед», в 1993 г. – вступительная статья Т.Н. Галчевой к сборнику «П.М. Бицилли. Избранное», в 1994 вышел следующий материал Б.С. Кагановича «П.М. Бицилли как историк культуры».

² Здесь и далее в цитатах орфография и пунктуация даны в соответствии с нормами современного русского языка. – Т.Г.

контаминированы оба источника, письма обеих корреспонденток, что, должно быть, подчеркивает значимость происшедшего. Эпизод с Лунной сонатой особенно захватывающий, драматический и, конечно, придает фигуре П.М. Бицилли черты романтического героя.

Нам представилась возможность прочитать о другом случае обращения П.М. Бицилли к Лунной сонате, воспоминание снова принадлежит Е.П. Ивановой-Аначковой; на этот раз, однако, она поделилась им в письме к М.П. Бицилли без даты, по содержанию – от декабря 1994 г. (датировка наша. – Т.Г.)³: «Пишу под Лунную сонату, её мама⁴ страшно любила. Рассказывала, что когда-то бабушка уехала давать концерт и они с П[етей] остались одни в Одессе и, проводив бабушку, П[етя] сел за пианино и играл ее, а мама в углу плакала...».

Сохранилось, однако, и другое свидетельство об отъезде семьи Бицилли из Одессы в 1920 г., несколько другой тональности, оно было зафиксировано во время разговора Г. Петковой, Е. Димитрова и Т. Галчевой с А.П. Мещерским и Е.П. Ивановой-Аначковой (стенограмма, 1990 г.)⁵. Это ответы собеседников на вопрос Г. Петковой о том, какие воспоминания сохранились в семье Бицилли об отъезде из Одессы.

«Е.П.: Моя бабушка, супруга П[етра] Михайловича, была певицей. И в один прекрасный день П[етр] Михайлович пришел домой и сказал моей матери: “Аня, собирай вещи!”»

А.П. (прерывает): Тут я вмешаюсь. По рассказам Петра Михайловича я знаю, что он не собирался пойти на риск с отъездом. Он думал, что нечего бояться. Но тут возникла какая-то его знакомая англичанка, которая убедила его уехать. Какой-то английский посредник, бывший капитан английского судна, устроил так, что семья Петра Михайловича смогла уехать в последнюю минуту на пароходе английской миссии. Даже, если мне память не изменяет, капитан уступил свою каюту семье Бицилли...

Г.П.: Какие вещи они взяли с собой?

Е.П.: И дед говорит: “Аня, собирай вещи, мы уезжаем!”. И мама начала засовывать в чемодан все серебряные тарелки, ложки, вилки. И только в отдельный маленький чемоданчик уложила одежду тети Маши. Тут вернулась моя бабушка, взглянула на все это и сказала: “Это что такое? Берем только по ложке, вилке и белье!”

А.П. (прерывает): Когда я вам рассказывал о характере Петра Михайловича, я говорил о том, каким он был доверчивым и непрактичным человеком. И когда они уезжали, он не захватил никаких документов, никаких дипломов. Но взял большой ключ от входной двери. Они ее заперли и уехали. Впоследствии в семье его часто ласково дразнили этим ключом».

В семейном архиве П.М. Бицилли сохранилось также письмо двоюродной сестры профессора – Ксении – от 28 июля 1943 г., из которого тоже можно

³ Оригинал – в собрании Н.А. Галь, дочери М.П. Бицилли. Пользуемся случаем выразить свою признательность Наталии Андреевне за неограниченную возможность с 2012 г. иметь доступ к материалам, находящимся в ее распоряжении. Именно Н.А. Галь выразила в нашем разговоре свое несогласие с воспоминанием своей двоюродной сестры.

⁴ А.П. Иванова (1903-1982), старшая дочь супруги П.М. Бицилли – Марии Тимофеевны Бицилли.

⁵ Оригинал – в собрании Т.Н. Галчевой. Здесь и далее перевод всех цитат с болгарского на русский – Н.А. Галь.

извлечь информацию об отъезде из Одессы: *«Как живо я помню 20 год, порт, долговязого, растерянного и озабоченного Петю и всегда милую мне по воспоминаниям, бодрую и веселую Марусю, везущую коляску с Машенькой, направляющихся на пароход. Все так было неожиданно...»*⁶.

В заключение, в защиту своего утверждения о том, что к воспоминаниям родственников П.М. Бицилли следует подходить, сохраняя критическую дистанцию, добавим еще одну цитату из письма Е.П. Ивановой-Аначковой к М.П. Бицилли, без даты, по содержанию – от 1992 г.: *«Забывла – Велева (проф. Мария Велева. – Т.Г.) все спрашивает: с кем Петя был близок здесь, с какими профессорами. Помнишь?.. Она все требует, чтобы я написала свои воспоминания о Пете, а что мне писать? Мама рассказывала, что на старых квартирах (до “Ал[еко] Константинова”) у вас постоянно бывали гости. Кто?»*⁷.

Особенно неприятен факт, что повествование М.А. Бирмана о быте и ближайшем окружении П.М. Бицилли «в начале болгарского периода» ведется с позиции незыблемого авторитета; демонстрируются непоколебимость и глубокое погружение в тему, навязчиво внушается ощущение достоверности, основывающейся на детальной проработке всех аспектов чужой реальности. Открывается соответствующий раздел следующим информационно насыщенным отрывком: *«По приезде в Софию Бицилли повезло с жильем. Их на первое время пригласили к себе в просторную квартиру почти в центре на тихой улице Марин Дринов гостеприимные “софийцы”. Глава семьи – известный болгарский психолог и педагог Димитр Кацаров (1881–1960, профессор Софийского университета, редактор журнала “Свободно възпитание”...»* [1, с. 145]. Нетрудно перечислить все ошибки в этих двух предложениях. По-болгарски журнал называется «Свободно възпитание» (курсив наш. – Т.Г.). В эти годы названная улица располагалась далеко от центра, в новом, образовавшемся возле гвардейских казарм квартале, что, впрочем, в своих письмах отмечал сам профессор П.М. Бицилли. Дом профессора Д. Кацарова находился в нескольких километрах от указанного местоположения. В письме к своей племяннице Е.П. Ивановой-Аначковой от 13 февраля 1995 г. М.П. Бицилли обрисовывает несколько иную картину: *«Сразу по приезде (каж[ется], после неск[ольких] дней гостиницы) поселились в сыром подвальчике на ул. Ал[еко] Константинов. Известное время прожили на ул[ице] Бачо Киро у Кацаровых»*⁸.

Не внушает доверия и следующая констатация биографа: «Более тесные отношения сложились у Бицилли с Оскаром Николаевичем Андерсоном (1887–1960)⁹ и его семьей» [1, с. 151]. В вышеуказанном же письме М.П. Бицилли к Е.П. Ивановой-Аначковой кратко сообщается: «С Оскаром Никол[аевичем] Андерсоном... особой близости не было (дружба была между его женой и мамой)».

Длинный список возражений против некоторых утверждений М.А. Бирмана, основывающихся на его корреспонденции с родными и друзьями семьи Бицилли,

⁶ Оригинал – в собрании Н.А. Галь.

⁷ Оригинал – в собрании Н.А. Галь.

⁸ Оригинал – в собрании Н.А. Галь.

⁹ История семьи Андерсон частично связана с Казанским университетом, где преподавал отец будущего знаменитого экономиста; сам Оскар Николаевич тоже закончил гимназию в Казани и поступил в тот же университет.

может составить основу отдельной работы. Ограничимся, однако, еще одним эпизодом. Он также связан с отъездом семьи Бицилли (на этот раз – несостоявшимся) из Софии после переворота 1944 г., когда в Болгарии под контролем Советской армии практически был установлен новый политический режим. М.А. Бирман задает себе вопрос, собиралась ли семья Бицилли возвращаться в Россию, и, ссылаясь на письмо к себе близкого друга А.П. Мещерского В.Ю. Макарова, формулирует «недвусмысленный и четкий ответ: Бицилли всерьез думали и обсуждали план возвращения на Родину. <...> При этом в мечтах и проектах семьи Бицилли был уже выбран город, в котором они намеревались... обосноваться. Этим городом был избран Томск» [1, с. 250].

Сопоставление разных источников обрисовывает несколько иную – незавершенную, исполненную сомнениями и неизвестностями – картину.

Вот фрагмент из письма П.М. Бицилли к Н.Л. Гурфинкель от 26.V. [19]47 г., в котором зафиксирована реакция ученого на получение первого отказа в предоставлении советского гражданства: *«Отказавшие мне в моей просьбе сознались, что это было ошибкой, которая будет исправлена, однако куда ничего еще не сделали. Как бы то ни было, подумывать о способе получения визы еще рано»*¹⁰.

Из письма М.П. Бицилли Т. Галчевой от 29.III. [1992] г.: *«Для того, чтобы Вы могли уточнить даты и некот[отрые] др[угие] подробности, сделала фотокопии двух автобиографий отца. По какому поводу и когда они были написаны, Вы узнаете из них. <...> Написаны они оч[ень] небрежно, т[ак] к[ак] отец в то время находился в крайне напряженном состоянии: возможность возвращения в Россию означала для него разлуку с падчерицей и ее дочерью. Это помимо всего прочего»*.

Из приводившейся ранее стенограммы разговора с А.П. Мещерским и Е.П. Ивановой-Аначковой: *«А.П.: Вопрос об отъезде в Россию не обсуждался с Петром Михайловичем. Я, втайне от Петра Михайловича и Марьи Тимофеевны, готовился к принудительному отъезду. Даже припоминаю, что купил сундук. Снабдился также и рядом других вещей, которые могли пригодиться. Но, слава Богу, все обошлось. Сундук так и остался на чердаке на “Алеко Константинове”»*.

Остается неясным также, почему М.А. Бирман сильно ограничивает себя в использовании такого замечательного источника, как воспоминания профессора Х. Гандева. В V части «Тернистый путь профессора-контрактника» указывается, что эти воспоминания не опубликованы; допущена также грамматическая ошибка в их названии [1, с. 171]; объясняется, кем и как они были получены; сообщается также, что беседы были *застенографированы* (курсив наш. – Т.Г.) профессором М. Велевой в 1978 г. В опубликованном в 2015 г. издании болгарская исследовательница детально объясняет, как осуществлялась запись: *«Я лично не умею стенографировать. Так что в записях всё так, как слышала во время разговора, и те его (Гандева) слова, которые успевала записать. По окончании очередного сеанса в другой тетради я излагала содержание разговора полностью. Поэтому и часть воспоминаний проф. Гандева мной пересказана»*

¹⁰ Письма неопубликованы. Оригиналы – в собрании Н.А. Галь.

[6, с. 108]. Именно в этих воспоминаниях, в отличие от журнальной статьи 1980 г., болгарский историк, который считался одним из немногих учеников профессора П.М. Бицилли и которого в непринужденной обстановке сумел расположить к себе собеседник¹¹, поделился замечательными свидетельствами о личности своего преподавателя и, что особенно важно, рассказал о том, где следует искать следы его влияния. Исходя из принципа баланса введения источников, отметим также, что есть некоторые расхождения между утверждениями самого профессора Х. Гандева (например, о том, как часто он общался с профессором П.М. Бицилли). В письме Т. Галчевой от 1.Х. [1993] г. М.П. Бицилли кратко ответила: *«Гандев у нас почти не бывал»*.

Нельзя также не обратить внимание на факт, что М.А. Бирман неоднократно ссылается на свидетельства болгарского журналиста Владимира Свинтилы. Наша собственная переписка с М.П. Бицилли длилась 5 лет, за эти годы от нее было получено 27 писем и открыток, в некоторых из них обсуждались опубликованные материалы об ее отце. Мы не встречали более острой реакции, чем та, которую вызвало у дочери П.М. Бицилли обнаружение избранных моментов из потока памяти этого «современника»: *«О “Воспоминаниях” Свинтилы мне просто не хотелось говорить. На всякие, т[ак] ск[азать], бытовые пустяки можно не обращать внимания, но зачем же приписывать моему отцу какие-то привычки и слова, кот[орые] он никогда не произносил (и не мог произносить)»*¹².

Резюмируя свою позицию, хотелось бы еще раз повторить: выбор и сочетание свидетельств для автора жизнеописания являются центральным вопросом, особенно при отсутствии документальных источников. Построение биографии на основе воспоминаний – притом, ex cathedra, претендуя на окончательную истину в последней инстанции, – может быть прекрасным вариантом для жанра романизованного текста. Особенно сомнительно это в случае, когда «беззащитным героем», объектом подобного сочинения является ученый с таким чутким отношением к «микроскопии» исторических фактов, как П.М. Бицилли.

Трудно принять и оптику жизнеописания, навязанную М.А. Бирманом. В его трактовке события расставлены по полкам выдуманных периодов, изложение структурируется «в известной мере предметно-тематическим способом» [1, с. 95]. Нельзя не согласиться с мнением о том, что перемещение П.М. Бицилли в разные места (из Одессы в Скопье, оттуда – в Софию) наложило свой отпечаток на его судьбу и что с этой точки зрения можно «разрезать» биографию ученого-историка по географическому признаку. Дальнейшее «парцеллирование» жизнедеятельности, однако, нарушает целостность восприятия творческого наследия этого выдающегося автора, сумевшего, как никто другой, развивать свою основную идею на протяжении долгих лет в разных по жанровой принадлежности произведениях, причем на нескольких языках. Эту особенность бициллиевских работ изумительно тонко сформулировала почти 30 лет назад

---

¹¹ Акцентируем внимание на этом факте: профессор Светла Данова во время нашей встречи в мае 2019 г. специально подчеркнула, что профессор Х. Гандев был человеком, соблюдающим огромную дистанцию между собой и остальными коллегами.

¹² Письмо М.П. Бицилли Т. Галчевой от 6.Ш. [1995]. Оригинал – в собрании Т.Н. Галчевой.

профессор Дж. Харрис: «...Следует также отметить, что произведения Бицилли являются собой единое целое» [7, с. 75].

Впрочем, в концептуализации М.А. Бирмана подобный подход объясним и может быть оправдан: в его книге, по существу, не содержится сколько-нибудь серьезного анализа работ П.М. Бицилли, основную канву биографии ученого занимает хроника жизненных событий. К анализу работ историка очень часто применяется описательный метод, в некоторых местах обобщение не выходит за границы статистической обработки текстов по признаку тематической принадлежности [1, с. 109–123; с. 189–199; с. 291–293].

На фоне небогатых наблюдений, ведущих к ответу на вопрос о том, как формируется «стиль» Бицилли, поражает факт отсутствия кавычек тогда, когда автору очевидно понравилась высказанная до него мысль. Мы уверены в том, что можно привести и другие примеры, из работ других «бициллиеведов», но, чтобы не лукавить, здесь процитируем только два пассажа:

У М.А. Бирмана читаем: «Рецензии Бицилли всегда содержат большой исследовательский заряд. Отзыв на книгу для него – лишь повод для выражения собственных оригинальных размышлений по соответствующей проблеме, спровоцированных конкретным рецензируемым трудом» [1, с. 280].

У Т. Галчевой же видим: «...рецензия, один из наиболее употребляемых жанров П.М. Бицилли для выражения собственного отношения, которое иногда едва заметно касается произведения, нуждающегося в рецензии. Чаще всего произведение, которое рецензируется, служит только поводом для изложения каких-то собственных мыслей» [8, с. 36].

Этим примером мы только хотим коснуться большого и неприятного вопроса о том, как в книге М.А. Бирмана используются, транслируются и трансформируются материалы из работ авторов, много лет занимающихся изучением жизни и наследия П.М. Бицилли. На первый взгляд, всё более чем порядочно: везде используются ссылки, указываются использованные сочинения, страницы и т. д. Проблемы возникают тогда, когда хочется сосредоточиться на деталях.

Открывается, например, произведение М.А. Бирмана портретом П.М. Бицилли [1, с. 5 – после эпиграфа, без нумерации]. Откуда эта фотография? Ни слова, хотя в приложении книги размещен раздел «Список иллюстраций» [1, с. 422–423]. Была ли фотография опубликована раньше? Почему образ П.М. Бицилли так урезан? Какие следы видны в правом верхнем углу, над головой профессора? Задаю эти вопросы не из желания внести детективный пафос, а потому, что они важны, поскольку являются в какой-то мере ключом к разгадке вопроса, занимающего несколько страниц ныне опубликованной биографии. Мы уверены в том, что, если бы автору был известен источник, он не преминул бы высказать свою гипотезу о событиях, связанных с фотографией. Использование иллюстративного материала должно подчиняться тем же правилам цитирования: заимствовать портретную фотографию из уже опубликованного материала или – что чаще – из Интернета (считая, что она находится таким образом в свободном доступе) без указания исходных данных недопустимо ни для какого издания, особенно если областью будущей социализации автора является академическая среда.

Не вполне ясна ситуация и с рисунками П.М. Бицилли, использованными М.А. Бирманом в качестве иллюстраций [1, с. 23–25]. Автор неоднократно повторяет, что их оригиналы были посланы ему в 1996 г. дочерью ученого М.П. Бицилли. В 2004 г. болгарская исследовательница Галина Петкова опубликовала в издательстве LiterNet электронный сборник «Пётр Бицилли. Салимбене и Пушкин». В нем она выложила три рисунка П.М. Бицилли и в предисловии указала, что материал был предоставлен ей Елисаветой Ивановой-Аначковой [9]. Два из этих изображений совпадают с теми, которые использовал М.А. Бирман (в книге они указаны под номерами 7 и 8).

На с. 73 под номером 25 в разделе «Пребывание в королеве СХС (Югославии)» М.А. Бирман в качестве иллюстрации поместил фотографию, которую также не атрибутировал. Напомним, что она уже введена в научный оборот, оригинал хранится в собрании Н.А. Галь и был предоставлен специально для сборника Т.Н. Галчевой и И.В. Голубович «“Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам””. П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции» (София, 2015 г.), публикация этого источника на с. 43.

Хотелось бы добавить, что в противоречии с правилами академической этики М.А. Бирман в том же разделе своей книги цитирует отрывки из писем П.М. Бицилли к К.В. Флоровской, не упоминая о том, где опубликован полный текст этого источника, а именно – в вышеуказанном софийском издании. Обойден молчанием также факт, что в том же сборнике опубликовано единственное обнаруженное на сегодняшний день письмо П.М. Бицилли к Г.В. Флоровскому, причем М.А. Бирман ограничился всего лишь сообщением, что «есть сведения» о такой переписке [1, с. 81].

Продолжая разбирать составленную М.А. Бирманом биографию П.М. Бицилли, неминуемо обнаруживаем допущенные неточности в некоторых датировках, упоминаемых лицах и т. д. На данном этапе не считаем нужным задерживаться на этом аспекте, но по мере развития темы эти вопросы будут комментироваться, и процесс этот уже начался (В.Л.).

Заканчивая систематизацию своих впечатлений от новейшего издания, посвященного жизненному пути П.М. Бицилли, рискнем обобщить, что работа над биографией этого замечательного ученого-гуманитария еще впереди. Пора перейти от произвольной «аранжировки» свидетельств к поиску, систематизации и разбору документов; от перечисления заглавий и библиографического описания сочинений ученого – к полнокровному анализу, учитывающему «контекстуальность» их появления.

И хочется верить, что *opus magnum* «бициллиеведения» будет результатом общих усилий, достигнутым путем смирения и прозрения того, что «всякая научная книга есть до некоторой степени коллективный труд» [10, с. 3].

Источники

- Ф.Б. – *Герашко Л.В., Кудрявцев В.Б.* Фонд профессора П.М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. – СПб.: Дмитрий Буланин. 2009. – С. 57–222.
- П.Г. – *Попова Т.Н., Голубович И.В.* Размышления на два голоса. Читаем книгу: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. – М.: Водолей, 2018. –

444 с. // ПЕРЕ-ПОСТ. Филос. журн. – 2019. – № 5. – URL: <http://philosophy-multidimensionality.com/index.php/component/content/article?id=340>, свободный.

К.Б. – *Косик В.И.* Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество // *Славяноведение*. – 2019. – № 2. – С. 111–114.

В.Л. – *Левченко В.В.* «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова...»: Еврейская ветвь родословной П.М. Бицилли // *Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность: Материалы междунар. науч. конф., 14 апреля 2019 г. (Труды по иудаике. Сер. «История и этнография»)*. Вып. 15). – СПб.: Петерб. ин-т иудаики, 2019. – С. 176–189.

Литература

1. *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. – М.: Водолей, 2018. – 444 с.
2. *Бирман М.А.* П.М. Бицилли (1879–1953). Штрихи к портрету ученого // П.М. Бицилли. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф.Б. Успенский; Отв. ред. М.А. Юсим. – М.: Языки славян. культур, 2006. – С. 633–718.
3. *Бицилли П.М.* Очерки теории исторической науки. – Прага: Пламя, 1925. – 340 с.
4. *Попова Т.Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. – Одесса: Бондаренко М.А., 2017. – 456 с.
5. *Бицилли П.М.* «„Современные записки“ все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел бы от них»: П.М. Бицилли / Публ. и прим. М.А. Бирмана и М. Шрубы; вступит. статья М.А. Бирмана // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под ред. Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. – М.: Нов. лит. обозрение, 2012. – Т. 2. – С. 479–646.
6. *Велева М.* Предизвиканите спомени на проф. д-р Христо Гандев. Разговори за живота и науката. – София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2015. – 136 с.
7. *Harris J.* A humanist reading of Tolstoy: The writings Petr M. Bitsilli // *Tolstoy Stud. J.* – 1991. – V. IV. – P. 73–95.
8. *Галчева Т.* П.М. Бицилли – опыт возвращения // Петр Михайлович Бицилли. Избранное. Историко-культурологические работы. – София: Изд-во на Мин-во на отбраната «Св. Георги Победоносец»; Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. – Т. I. – С. 7–40.
9. *Петкова Г.* Рисунки от Пьотр Бицилли // Пьотр Бицилли. Салимбене и Пушкин. – Варна: Liternet, 2004. – URL: <https://liternet.bg/publish6/pbicilli/salimbene/risunki.htm>, свободный.
10. *Бицилли П.М.* Элементы средневековой культуры. – СПб.: Мифрил, 1995. – XXVIII, 244 с.

Поступила в редакцию
20.06.2019

Галчева Тания Неделчева, независимый исследователь

www.savedarchives.net

бул. “Янко Сакъзов” № 62, ет. 3, г. София, 1504, Болгария

E-mail: tanyagalcheva@gmail.com

doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.223-235

On the Outcomes of 20 Years of Emigre Studies: A Harsh Review[Review: Birman M.A. P.M. Bitsilli (1879–1953). *Life and Work*. Moscow, Vodolei, 2018. 444 p.]

T.N. Galcheva

Independent Researcher, Sofia, 1504, Bulgaria

E-mail: tanyagalcheva@gmail.com

Received June 20, 2019

Abstract

The latest book by M.A. Birman dedicated to the life and works of Professor Petr Mikhailovich Bitsilli, who headed the Department of Modern and Late Modern History of Sofia University in 1924–1948, was analyzed. Views contrary to those of the book's author were expressed. One of the biggest disadvantages of this biographical research is the methodology used for gathering data. M.A. Birman's work includes some testimonies from P.M. Bitsilli's contemporaries and relatives, but no criticism of their words is given. This type of description reflects on the narrative research approach, i.e., when the author goes beyond the limits of the scientific exploration and turns the biography into a romance novel. It seems improper to agree with M.A. Birman on what concerns his idea to divide the life of P.M. Bitsilli into many periods of time, because it contradicts the established theories of considering P.M. Bitsilli's writings as "all making up a whole piece". In the book, an attempt is made to completely cover all aspects of P.M. Bitsilli's personal life story, but the published materials on this problem were incorrectly used by the author – some examples and questions were provided in the final part of this paper. The conclusion is that a new method is needed to comprehensively investigate the voluminous and diverse heritage of P.M. Bitsilli.

Keywords: first-wave emigre, modern and contemporary history, Professor P.M. Bitsilli, M.A. Birman, review, biography, counter arguments

References

1. Birman M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo* [P.M. Bitsilli (1879–1953). *Life and Work*]. Moscow, Vodolei, 2018. 444 p. (In Russian)
2. Birman M.A. P.M. Bitsilli (1879–1953). Finishing touch to the scholar's portrait. In: *P.M. Bitsilli. Izbrannye trudy po srednevekovoi istorii: Rossiya i Zapad* [P.M. Bitsilli. *Selected Works on Medieval History: Russia and the West*]. Yusim M.A. (Ed.). Moscow, Yaz. Slavyanskikh Kul't., 2006, pp. 633–718. (In Russian)
3. Bitsilli P.M. *Ocherki teorii istoricheskoi nauki* [Essays on Theoretical History]. Prague, Plamya, 1925. 340 p. (In Russian)
4. Popova T.N. *Zhizneopisanie uchenogo-istorika na perekrestke istoriograficheskikh traditsii. Teoriya. Metodologiya. Praktika* [The Life Story of a Historian at the Crossroads of Historiographic Traditions. Theory. Methodology. Practice]. Odessa, Bondarenko M.A., 2017. 456 p. (In Russian)
5. Bitsilli P.M. "Sovremennye Zapiski" is getting closer to what I personally expected from it": P.M. Bitsilli. In: "Sovremennye zapiski" (Parizh, 1920–1940). *Iz arkhiva redaktsii* ["Sovremennye Zapiski" (Paris, 1920–1940). From the Editorial's Archive]. Vol. 2. Korostelev O., Shrubina M. (Eds.). Moscow, Nov. Lit. Obozr., 2012, pp. 479–646. (In Russian)
6. Veleva M. *The Memories of Prof. Dr. Hristo Gandev. Dialogues about Life and Science*. Sofia, "St. Clement of Ohrid" Univ. Publ. House, 2015. 136 p. (In Bulgarian)
7. Harris J. A humanist reading of Tolstoy: The writings of Petr. M. Bitsilli. *Tolstoy Studies Journal*, 1991, vol. IV, pp. 73–95.

8. Galcheva T. P.M. Bitsilli – a comeback attempt. In: *Petr Mikhailovich Bitsilli. Izbrannoe. Istoriko-kul'turologicheskie raboty* [Petr Mikhailovich Bitsilli. Selected Works. Historical and Cultural Studies]. Vol. I. Sofia, "Saint George" Publ. House of the Defense Ministry, "St. Clement of Ohrid" Univ. Publ. House, 1993, pp. 7–40. (In Russian)
9. Petkova G. Drawings by P'otr Bitsili. In: *P'otr Bitsili. Salimbene i Pushkin* [P'otr Bitsili. Salimbene and Pushkin]. Varna, Liternet, 2004. Available from: <https://liternet.bg/publish6/pbicilli/salimbene/risunki.htm>. (In Russian)
10. Bitsilli P.M. *Elementy srednevekovoi kul'tury* [Medieval Culture Elements]. St. Petersburg, Mifril, 1995. XXVIII, 244 p. (In Russian)

Для цитирования: Галчева Т.Н. Об итоге 20-летних эмигрантоведческих усилий: рецензия без макияжа [Рец. на кн.: Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. – М.: Водолей, 2018] // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 1. – С. 223–235. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.223-235.

For citation: Galcheva T.N. On the outcomes of 20 years of emigre studies: A harsh review [Review: Birman M.A. P.M. Bitsilli (1879–1953). Life and Work. Moscow, Vodolei, 2018.]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 1, pp. 223–235. doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.223-235. (In Russian)